

В названии этого небольшого, публицистического произведения нет ни капли пафоса и напыщенности, с которой эти громкие слова произносились во все времена и со всевозможных трибун. Они, наши дорогие и любимые женщины, девушки, девочки действительно, наравне с мужчинами ковали победу на фронтах и в тылу, внося существенную лепту, весомый вклад в победу над фашизмом. Их тысячи, сотни тысяч, но я хочу рассказать об одной из них. О Марье Владимировне Смирновой, которая несмышленной еще девочкой, эвакуировавшись из блокадного города, поселилась в тогда еще Горьковской области, и почти двадцать лет проработала в кузнице.

Она ковала победу-

Маленький домик на окраине провинциального городка. Уютные и светлые комнаты и цветы на подоконниках. Много цветов. Передо мной сидит довольно пожилая женщина, возраст которой определить достаточно не просто и неторопливо перебирает какие-то семена, осторожно извлекая их из лежащих перед ней пакетиков. Сетка глубоких морщин, изрезавших ее потемневшее от прожитых лет лицо, пряди седых волос, выбившихся из-под белоснежной косынки. И, совершенная противоположность – чистый, звонкий голос и наивная, застенчивая улыбка.

- Скоро девятую стукнет, - отвечая на мой немой вопрос, слегка улыбнулась Марья Владимировна, и устало положила на стол узловатые, с вьезшейся кузничной копытью руки. - Почитай всех подруж сгоронила, - она немного помолчала, а потом начала говорить. Поначалу разговор не клеился. Тяжелые и скорбные слова Марьи Владимировны, неуверенно, как молот неопытного кузнеца зависали в воздухе, но постепенно смущение прошло и, беседа оживилась.

- Родилась я в 1926 году в Ленинграде, в семье военных врачей. Папа и мама работали в госпитале, а меня воспитывала строгая, но очень справедливая бабушка. Как и у каждого ребенка того времени, у меня было самое счастливое детство, в самом красивом городе на свете. В положенное время я пошла в школу, где была самой высокой и крупной среди сверстников. Занималась спортом, поэтому девчонки меня уважали, а мальчишки – побаивались. Сказывалась широкая, отцовская кость и его военная стать, - она усмехнулась, а от ее выцветших глаз побежали теплые лучики.

- В 1939 году папу и маму, обвинив в сотрудничестве с английской разведкой, арестовали, - глубокие морщины в уголках ее скорбно опущенных губ обозначились еще отчетливее. - Отца расстреляли в 40-ом, а мать освободили в июле 41 и сразу отправили на фронт. Как не-

благонадежную личность с темными пятнами в биографии, ее, ведущего хирурга Ленинградского госпиталя, определили санинструктором в штрафную роту, где она вскоре пропала без вести. В декабре, перед самым Новым годом, нас с бабушкой вывезли из блокадного города. По дороге эшелон, в котором мы ехали, попал под бомбежку. Бабушка погибла, сопроводительные документы сгорели. Так закончилось мое детство, - пожилая женщина (язык просто не поворачивался назвать ее старой), тяжело вздохнула и вытерла мокрое от слез лицо.

- Вскоре подошел другой состав, - немного успокоившись, продолжила она ровным голосом. - Больше семидесяти лет прошло, а до сих пор помню заснеженные полустанки, промерзшие вокзалы и постоянный страх, - Марья Владимировна зябко передернула плечами и накинула теплую шаль.

- Два месяца мы ехали до Горького. Потом нас перегрузили в полуторки и привезли в Ардатово, провинциальный и тихий городишко, откуда уже на подводе приехали в деревню, где меня определили на постой в семью кузнеца Егорова. Глава семьи – двухметровый, могучий старик Никанорыч, до самых глаз заросший рыжей бородицей, далее его внук, семнадцатилетний Васятка, который работал на пару с дедом в прокопченной кузнице. Сноха Валентина – Васькина мамка, тихая и неприметная женщина, никогда не перечившая суровому свекру. Муж Валентины – Николай, воевал, как и положено.

- Выглядела я в ту пору гораздо старше своих пятнадцати годов, - Марья Владимировна легко поднялась из-за стола и подложила в вазочку земляничного варенья. - Ты пей, пей чаек-то. На нашених, целебных травах настоянный, - она широко улыбнулась.

- Рослая была, высокая, да и здоровьем Бог не обидел. И влюбилась я в Ваську, втрескалась по уши. Первая любовь, первые слезы, бессонные ночи... Часами сидела

в кузне, наблюдала, как он играючи управляет с полупудовым молотом. Никанорыч выхватит из горна раскаленную болванку, швырнет ее на наковальню, искры во все стороны, а старик молоточком тук-тук, показывает внуку, куда бить надо. Васятка молотом бух-бух, глядишь, а уже подкова получается, зуб для бороны, али еще какая вещица, полезная в хозяйстве. В те времена хороший кузнец был первым человеком на деревне. А если Васятка воды холодной попросит ему радости, или меха у горна покачать... Радости потом на неделю, - внезапно Марья Владимировна погрузилась.

А летом Ваську забрали на войну. Когда провозжали, отвел он меня в сторонку и спрашивает, а сам, глазами своими синими, насквозь прожигает.

- Будешь меня с войны ждать? - Так, я же еще маленькая, - пролепетала я, а сама едва не разревелась от счастья.

- Ты, главное, дождись меня, а вырасти успеешь! – он, не дождавшись ответа, побежал догонять колонну.

Проводила я Ваську, а ближе к вечеру пришла в маленькую, почти вросшую в землю, кузницу. Никанорыч искося посмотрел на меня, что-то буркнул и почти не сильно сунул мне в руки молот с, до блеска отполированной Васькиными ладонями рукояткой. Старик, молча, вытащил из горна заготовку для подковы, усмехнулся чему-то в свою огненную бороду и маленьким молоточком тук-тук... показал мне место для удара. Так я стала молотобойцем...

- Как не жалел меня старый кузнец, но на следующий день ладони покрылись кровавыми пузырями, а руки висели, как плети. Потом, ничего, втянулась, потому как работы в ту пору было очень много и времени для привыкания особо и не было. Мужики-то на фронте все были. Надо и все тут! Мастерство старого Никанорыча славилось на всю округу, а фронту были нужны лошади, а солдатам – хлеб. И вели лошадей на перековку, даже с Вла-

димирской области приезжали, с Мордовии. А весной ковали бороны. Бывало, что до обеда у горна стоишь, куешь зубья, а после впрягаешься в эту самую борону и в поле, комья разбивать, да землю рыхлить. Пахали-то на коровах, - Марья Владимировна перекрестилась на висевшие в углу иконы и замолчала.

- А что было дальше? – спросил я, потрясенный простым и бесхитростным рассказом.

- Дальше? – встрепенулась женщина и глубоко вздохнула. - А дальше пошли похороны. Сперва погиб Васькин отец, потом, в 1944 году принесли извещение о смерти Васятки. Валентина, мать его, посела и наполовину умом тронулась, а у старого Никанорыча стали отказывать ноги. Так что, хочешь не хочешь, а мне пришлось постигать мудреное кузнечное искусство.

К концу войны я была уже полноправной хозяйкой кузницы, а Никанорыч, сидя на лавочке (ноги совсем не слушались!), работал кувалдой. Скромно отпраздновали День победы, а тут и мужики с фронта начали возвращаться. Из сорока ушедших обратно вернулись всего шестеро, - Марья Владимировна испытующе посмотрела на меня.

- Вот так-то. Мужики, понятное дело, были нарасхват. Да что там, нарасхват, - лицо пожилой женщины покрылось стыдливый румянцем. Истосковались бабы по мужской ласке, измучались в одиночестве. А мне, хот и было уже двадцать годов, не до гулянок было. Весна уже заканчивалась и надо было сеять, поднимать послевоенное хозяйство, - Марья Владимировна снова задумалась, подыскивая подходящие слова.

Уже после того, как меня эвакуировали из Ленинграда, ближе к середине лета, в деревне, невестку отсюда, появился тихий и неприметный мужичок. Невысокого роста, худощавый, с вечно тоскливыми глазами и затравленным взглядом... Он поселился на окраине деревни, в заброшенном домике, привел его в относительный порядок и теперь целыми днями бродил по единственной улице, в поисках подходящей работы. Где доску приколотит, где навоз со двора вывезет, али снег у кого почистит. Деньги тогда не особо ценились, так ему кто кусок хлеба даст, молока нальют или картошки вынесут. Откуда он появился и почему не на фронте, никто и не знал, а Матвей, так того мужа звали, не отличался словоохотливостью. А как Ваську призвали, прибилсь Матвей к нашей кузнице. Лошадь ли подержать, али шлак из горна выбросить. Меха он любил качать. Сам-то махонький, так он лавочку приспособил, - Марья Владимировна тепло улыбнулась, вспоминая.

- Чую я, поглядывает он на меня, да как-то по-особенному. Сперва я и внимания не обращала, а потом, призадумалась. Негоже бабе одной свой век коковать, а тут, хоть и невзрачный, а свой. А в то время всяких, безруких, безногих, лишь бы мужик в доме был.

- А силушка у него была. И немалая. Когда он, Матвей, раздвигался до пояса и начинал немелом махать кувалдой, я с удовольствием наблюдала за его узлами тугих мышц, перекачивающихся под почти прозрачной кожей. Как бы там ни было, а через год, после окончания войны, мы расписались с Матвеем и стали жить в его стареньком домике. Одно только, а его в особенности смущало, что не было у нас детишек. Три года прожили, а никак не получалось. Конечно, по деревне слухи поползли, что не могу я заброхатеть, или у него силы нет мужицкой. Пошла я как-то в сельпо, а на лавочке, бабы сидят, языки чешут. Слышу, в спину мне шипят:

- Пустая она, Манька-то. Всю силу бабскую в молот вложила. Да и Матвей не мужик, а так, названье одно. Прочил бы ее, бросила бы кузню, да бабскими делами занялась, - лицо Марьи Владимировны возмущенно раскраснелось.

- Резко я развернулась и домой бегом. Залетаю во двор, а Матвейка дрова колет. Хватаю его за руку, затаскиваю в избу и говорю, спокойно так:

- Ну-ка, ударь меня.

- Ты, что, Мань, ошалела? – он вытаращил глаза.

- Ударь, говорю, - повысила я голос. - Врежь со всей силы. А иначе, я тебя ударю, - и подношу ему к носу свой кулачище.

- Ну и врзал мне муженек, - пожилая женщина расхохоталась. - Так врзал, что у меня из глаз слезы вылетели, а я сознание потеряла. Пришла в себя и к зеркалу. Есть! Два огромных синячища, да еще и под обеими глазами. Пусть теперь только попробуют заикнуться, что у меня мужик плохой. А вскоре я забеременела и через положенное время, у нас родилась дочь, Василисушка. В Нижнем Новгороде теперь живет.

А в начале шестидесятых годов уехали мы на родину моего мужа и уже там, родила я двух парней, Мишку и Тимофея. Матвеевка-то мой умер, когда пацанам всего по три года было. Пришлось мне на трех работах трудиться, чтобы сыновей поднять. Они у меня молодцы, пошли по стопам бабки с дедом. Оба – военные хирурги, один – во Владивостоке служит, а другой – на Крайнем Севере, - с гордостью добавила она и широко улыбнувшись, произнесла извиняющимся голосом:

- Прости, милоч. Утомил ты меня совсем, разговорами этими, - Марья Владимировна зевнула и поднялась. - Пойду, вздремну.

Я вышел из ее уютного домика, чувствуя в душе необъяснимый покой и удовлетворение. А когда спускался по ступенькам высокого крыльца, в памяти всплыли слова известного поэта:

...возди бы делать
из тих л- дей,
Крепче бы не было
в мире гвоздей

Ефрем КУЛЕБАКСКИЙ

Не секрет, что наступивший 2015 год объявлен Годом литературы.

Для Нижнего Новгорода, который долгое время носил имя одного из величайших отечественных писателей Максима Горького, этот год должен стать особенным, ведь наш город по праву входит в список литературных достопримечательностей России. Нижегородская земля богата писательскими талантами: Н.А. Добролюбов, П.И. Мельников - Печерский, Н. И. Кочин, Ю. А. Адрианов, Захар Прилепин – всё это имена нижегородских литераторов, хорошо известных широкому кругу читателей. Библиотека им. П.П. Бажова всегда работает в «литературном статусе»: возрождение

интереса к чтению, развитие у читателя нравственных, духовных и культурных качеств, приобщение к родной речи и родному слову – вот главные цели, которым всегда следуют сотрудники библиотеки.

Наступивший год порадовал наших читателей многими интересными мероприятиями. Так, в канун дня рождения П.П. Бажова в библиотеке прошел литературный вечер «И будут жить веками были», посвященный творчеству уральского сказителя. Вместе с ведущей ребята прикоснулись к высокому и прекрасному, зачерпнули живительную «влагу» из Бажовского «колодца», «опускались» в недра Уральских гор к самой Хозяйке Медной горы, вместе с Данилой

мастером любовались красотами каменного цветка. А ещё они попытались понять, чем же притягивают к себе читателей волшебные сказы Бажова, и что хотел поведать седой уральский сказитель сегодняшнему поколению.

В рамках Года литературы, в библиотеке прошла викторина «Из глубины веков звучало слово», на которой учащиеся школы № 100 познакомились с новыми краеведческими книгами, представленными на книжной выставке «Живое слово», ведь наши предки всегда ценили и берегли слово, веря в то, что оно животворно. Духовная пища ставилась всегда выше обыденных потребностей. Во все времена книга много значила: она сберегала, спасала, возвышала души людей. Вниманию ребят был предложен медиа- список «Сто книг для юношества, которые необходимо прочитать каждому».

Особый интерес у читателей вызвала книжная выставка «Литературный Нижний», которая познакомила с жизнью и творчеством нижегородских писателей, как классиков, так и современных авторов, а также с литературными местами Нижегородского края, связанными с их именами.

Стартовал в библиотеке и конкурс «Ода книги».

А к 80-летию со дня рождения нашего

Ленинского района работники библиотеки подготовили и провели цикл мероприятий, посвященных этой юбилейной дате для жителей – ветеранов микрорайонов «Этна-1», «Этна-2», учащихся близлежащих школ. Все они совершили виртуальное путешествие от того момента, когда зародился район, и до наших дней, узнали о людях, трудившихся на его земле, познакомились с судьбами Героев Советского Союза, имена которых носят улицы района, узнали много нового о местных памятниках и достопримечательностях.

На ежегодно проводимых встречах с интересными людьми нижегородчины читатели библиотеки встречались с писательницей Еленой Крюковой, которая презентовала свою новую книгу о детях войны «Беллона», с известным писателем и тележурналистом Александром Цирюльниковым и его новой книгой «Словесные портреты. На расстоянии рукопожатия». В ближайшее время по просьбе читателей состоится встреча и с любимой писательницей Еленой Арсеньевой.

У работников библиотеки планы впереди - громады...

В.И. Абащенкова,
заведующая библиотекой
им. П. П. Бажова